

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КОРОНАВИРУСА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Усен Жасулан Еркинулы

ussenzhasulan@gmail.com

Студент 3 курса специальности «Международные отношения»

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – к.и.н., доцент Нурдавлетова С.М.

«Стихийное бедствие и на самом деле вещь довольно обычная, но верится в него с трудом, даже когда оно обрушится на вашу голову. В мире всегда была чума, всегда была война. И, однако ж, и чума, и война, как правило, заставляли людей врасплох...». Прочитанный выше фрагмент из известного романа-притчи Альбера Камю «Чума» как нельзя лучше передает ту атмосферу, которая наблюдалась на начальном этапе распространения пандемии коронавирусной инфекции. Потребовалось всего несколько месяцев для осознания того, что «китайская проблема» оказалась вовсе не локальным и даже не региональным, а глобальным вызовом.

Угроза пандемии COVID-19 стала действительно общим знаменателем мирового масштаба. Перед ее наступлением спасовали и государства – члены «Большой семерки», и страны, традиционно имеющие невысокий индекс качества жизни. От болезни не спасло членство в интеграционных объединениях и военных альянсах. Напротив, принципы национального эгоизма вышли на первый план. От коронавируса пострадали и союзники, и противники. Для вирусной инфекции международные приоритеты той или иной страны не имели никакого значения. Будучи внеполитическим по своей природе вызовом коронавирус оказал серьезное воздействие на весь спектр общественных процессов. И снова, как нельзя точно оценка Альбера Камю: «...никто никогда не будет свободен, пока существуют бедствия».

Сегодня в оценках последствий коронавируса нет недостатка. Между тем в этом сложном уравнении присутствует слишком большое количество переменных. Следовательно, его решение не будет быстрым. Преждевременно говорить о «посткоронавирусной эпохе», так как мы еще не пережили саму пандемию, а определенные улучшения, наметившиеся в некоторых странах, не имеют необратимого характера. Возможны возвратные движения вирусного маятника, новые «волны» пандемии, а вместе с ними и новые разрушительные последствия для международной экономики и внутривнутриполитической стабильности. Не следует спешить с выводами и о том, что COVID-19 изменил мир. Пандемия не открыла противоречий внутри интеграционных объединений и коллизий между национальным суверенитетом и решениями в интересах международных организаций в целом.

Она не принесла с собой этнополитических конфликтов и межгосударственной конфронтации. Потенциальная опасность COVID-19 для мира состоит не столько в какой-то особой «новизне», сколько в том, что пандемия стала дополнительным стресс-тестом для многих стран: она до предела заострила имеющиеся проблемы, подчеркнула уязвимость даже тех государств, которые претендуют на роль глобального гегемона. Казус США с их волнениями на расовой и социальной почве – самый яркий тому пример. Как бы то ни было, а наступление COVID-19 станет важным символом приближающегося третьего десятилетия

нашего века. Даже в случае успешного применения вакцины против инфекции и купирования угрозы проблема останется с нами. И обращаться к ней по разным поводам придется еще не раз [1].

COVID-19 потребовала от государств исполнения функций, заложенных эпохой модерна: организации и поддержания карантинных мер, предоставления массовой медицинской помощи, мобилизации необходимых для этого ресурсов. Хотя в полной мере оценить готовность различных государств к пандемии пока невозможно, последние месяцы продемонстрировали как успехи государств в обеспечении карантинных мер (Китай, Южная Корея), так и масштаб атрофии ряда их функций, где остановить распространение пандемии своевременно не удалось (Италия). По мере того как появится полная статистика, будут проясняться и различия в реакции систем эпидемического контроля и здравоохранения. Но уже сейчас можно с уверенностью предположить, что сохранение потенциальной установки государства на тотальный контроль создавало тот скрытый запас прочности, который оказался востребован в чрезвычайной ситуации, спрогнозировать которую было либо невозможно, либо вероятность её наступления трактовалась как незначительная. Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер в комментарии, написанном в начале апреля 2020 г., назвал возвращение архетипа государства как города, окруженного стенами, в эпоху, когда благосостояние зависит от глобальной торговли и свободного передвижения людей анахронизмом². Вполне разделяя его историческую интуицию – государство возвращается в своем, казалось бы, устаревшем облике закрытых границ и карантинных патрулей – мы в то же время не можем согласиться с оценкой этого как временного отступления с магистрального пути глобализации [2].

Первые итоги привели к тому, что на западе медицинская система многих стран, в которую вкладывалось ежегодно огромное количество средств и других ресурсов, оказалась не готовой противостоять в борьбе с таким необычайно быстро распространяющимся вирусом. И если государственные учреждения еще пытались сдерживать волну распространения, то частные клиники ожидал фееричный провал. Страны приняли решения о закрытии границ. Казалось бы, сплоченные международные структуры проявили свою слабость. НАТО, Европейская солидарность, Европейский Союз испытывают большие трудности в попытке организации сплочения сил в борьбе с коронавирусом. В последствии выясняется, что самыми устойчивыми оказались именно те страны, которые имеют одну из самых жестких систем управления – это Китай, Вьетнам, Сингапур, Индия, Турция и даже Россия. Стоит отметить, что страны Африки, явно имеющие большие проблемы в медицинской системе, и то справлялись куда лучше, чем, например, США или Италия [3].

Пандемия имела все шансы приобрести ярко выраженное идеологическое измерение – масштабное ограничение свободы передвижения как удар по одной из ценностей демократического устройства общества и глобализации в целом. Конечно, эта свобода в скором будущем в основном будет восстановлена, но имидж глобализации лишь ухудшится. Кроме того, пострадала репутация многих стран представительной демократии и правящих там партий, включая Италию, Испанию, Францию, Британию и др. Обострились споры не столько о ценностях тех или иных политических систем, сколько об их эффективности, способности гарантировать ценность самой жизни, социальные и экономические права.

Уже очевидно, что многие страны уйдут в рецессию, причём её масштабы будут сравнимы или превысят кризис 2008–2009 гг. Разорились десятки тысяч предприятий, в первую очередь малого и среднего бизнеса, взлетели показатели безработицы, ещё больше усилилось социальное неравенство. Наиболее пострадавшими могут оказаться государства ЕС и США, где в начале апреля находятся основные эпицентры эпидемии. Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш заявил о том, что для борьбы с последствиями пандемии придётся потратить сумму порядка 10% мирового ВВП. Многие межгосударственные и общественные противоречия, существовавшие до «нулевого пациента», лишь обострятся. На ходу приходилось пересматривать некоторые стратегии, например, «зелёную сделку» Евросоюза,

огромные суммы на реализацию которой теперь вряд ли найдутся. В бюджете ЕС большую брешь образовал брекзит, и как её латать никто не знал ещё раньше. Теперь же её размер вырастет в разы. В целом глобализация, как признают трезвые голоса в России и за рубежом, не повернёт вспять, но её динамика, внутренняя структура будут скорректированы. По мере затухания пандемии произойдёт «отскок», мировая экономика станет набирать обороты, хотя восстановление займёт, возможно, не один год. Вопрос в том, насколько в результате этого восстановления социальной справедливости в мире станет больше или меньше, насколько осознание глобальности многих рисков заставит государства сотрудничать.

Уже началась гонка за первенство в войне с вирусом, за то, с какими потерями или приобретениями различные страны выйдут из этого кризиса. Нет оснований полагать, что всемирная мобилизация по борьбе с COVID-19 будет способствовать снижению противоречий между государствами, существовавших до пандемии.

«Гонка по разработке вакцины похожа на космическую гонку между США и Советским Союзом... Это как холодная война», — оценил происходящее Брэд Лонкар, основатель американского биотехнологического фонда, ориентированного на Китай. По его словам, для китайских чиновников это, в свою очередь, «не только предмет национальной гордости и важный шаг для защиты их собственного здоровья, но и способ продемонстрировать свое превосходство». Сразу четыре из 10 вакцин-лидеров гонки разрабатываются в Китае. Над еще тремя работают американские компании — Novavax, Moderna и Pfizer (в последнем случае — совместно с немецкой BioNTech и китайской Fosun Pharma).

Вместе с тем новые препараты, а точнее их поставки в приоритетном или льготном порядке, очевидно, стали важным инструментом дипломатии. Если раньше традиционным проявлением благих намерений и дружеского отношения Китая к стране было дарение панд, то сейчас милых пухлых зверюшек потеснило китайское портфолио вакцин. «Разработка и внедрение вакцины от COVID-19 в Китае, станет вкладом КНР в обеспечение физической и ценовой доступности вакцины в развивающихся странах», — сказал китайский лидер Си Цзиньпин в своем обращении к 75-й сессии ГА ООН.

Дипломатия вакцин, по всей видимости, становится важным элементом и внешней политики России, первой в мире зарегистрировавшей свой препарат, который сейчас проходит заключительную стадию клинических испытаний. Буквально каждую неделю Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), финансирующий разработку вакцины, объявляет о новых договоренностях на ее поставки как в страны, традиционно поддерживающие дружеские отношения с Москвой, так и в государства, исторически находившиеся в орбите США [4].

Своим чередом продолжают развиваться отношения между Россией и странами Запада. Стоило Москве направить в Италию по приглашению Дж. Конте 15 самолётов министерства обороны, которые доставили туда порядка ста российских военных вирусологов и эпидемиологов, оборудование для диагностики и проведения дезинфекции, как в итальянской прессе появились заказные статьи о «бесполезности» этой помощи. М. Помпео, госсекретарь США, уже многократно выступал с обвинениями России и Китая в дезинформации по поводу пандемии. Сюрреалистичность ситуации подчёркнута тем, что одновременно Вашингтон принимает от Москвы медицинскую помощь для борьбы с вирусом и президент Д. Трамп публично благодарит Россию. Группа по стратегическим коммуникациям (East Strat Com) в составе Европейской службы внешних действий поставила на поток обвинения в адрес российских СМИ в использовании пандемии как инструмента антизападной пропаганды, большинство из которых смехотворны. Не нашло пока никакого отклика и предложение, прозвучавшее на саммите «большой двадцатки», о создании «зелёных коридоров», т.е. ослаблении санкций против государств, особо нуждающихся в закупках медицинского оборудования, медикаментов, продовольствия и т.п. в условиях пандемии. Респектабельные западные мозговые центры превращаются в фабрики антироссийских пропагандистских передовиц. Из массы примеров показательна недавняя статья, размещённая на сайте лондонского «Чатэм-хаус». Остановимся на ней более подробно. Главный тезис заключается

в том, что «Кремль использует данный кризис, чтобы ещё больше дестабилизировать мир». Какие же «аргументы» приводятся для его подтверждения? Дается ссылка на материал с портала tvzvezda.ru, опубликованного ещё 3 февраля. В нём затрагивается тема «конспирологических теорий», что в материале специально оговаривается, и которой заполнены и западные медиа. Россия обвиняется в намеренном принижении опасности вируса на основании материала о Швеции как стране, которая не ввела в отличие от большинства других строгие ограничения [5].

Все получили наглядный урок информационной войны: как можно обвинить другую страну или скрытые силы в распространении или даже изобретении «биологического оружия». Сейчас можно услышать голоса о том, что этот вирус был искусственно создан для причинения вреда Китаю, и теории заговора будут только усиливаться.

Например, российский политик В. Жириновский заявил, что вирус «наверняка» создан американцами для борьбы с Китаем. Такие теории не новы. В 2013 г. полковник ВВС Китая Дай Сюй обвинил правительство США в распространении вируса птичьего гриппа H7N9 в Китае как акт биологической войны. Противоположная версия этой теории – то, что коронавирус возник из «секретной программы биологического оружия» Китая и Института вирусологии Ухани – также широко распространена в социальных сетях. Такое заговорщическое мышление может показаться нелепым, но если вирус наносит вред только, или в основном Китаю, как человеческим, так и экономическим издержкам, Пекин, возможно, не захочет признать, что это было естественным явлением. Сейчас мы наблюдаем рождение новой великой державы. Если Китай и его народ преодолеют этот вызов, мы увидим, что более сильный Китай будет еще более консолидированным, чем раньше [6].

Список использованной литературы:

- 1.Маркедонов С.М. Уроки пандемии для международных отношений // Международная аналитика. – 2020. – 11(1). – С.7-9.
- 2.Силаев Н.Ю., Проценко Н.П. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу // Международная аналитика. – 2020. – 11(1). – С.11-26.
- 3.Влияние пандемии коронавируса на современные международные отношения // Интернет-ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44090573> – 2020.
- 4.Это как холодная война // Интернет-ресурс https://lenta.ru/articles/2020/10/15/vaccine_diplomacy/ Дата использования (15.10.2020 00:05)
- 5.Громыко А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – 2020. – №2. – 5-14.
- 6.Влияние пандемии коронавируса на современные международные отношения // Интернет-ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42955992> – 2020.